

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Л.В. Максимов

Сущее и должное: проблемные контексты

Максимов Леонид Владимирович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: lemax14@list.ru

Антитеза сущего и должного широко используется в этических исследованиях, через соотношение этих понятий формулируются важные для моральной философии теоретические и прикладные проблемы. Однако исторически сложившаяся многозначность понятий сущего и должного, разнообразие трактовок их взаимосвязи, различие мировоззренческих и методологических парадигм, в русле которых разрабатывается эта проблематика (при том что сами термины «сущее» и «должное» в их сочетании остаются неизменными), – все это приводит к смешению, взаимоподмене обсуждаемых проблем, снижает теоретический уровень их постановки и решения, провоцирует малопродуктивные дискуссии. В статье предпринята попытка посредством метаэтического анализа указанной антитезы разграничить и рассмотреть поочередно проблемные контексты сущего и должного, отделив принципиальные (концептуальные) расхождения и споры от необязательных ошибок и недоразумений, порождаемых неточной терминологией и неоднозначным толкованием самого предмета полемики. Изложена также авторская позиция в отношении ряда традиционных концептуальных подходов к решению рассматриваемых проблем; в частности, приводятся аргументы против трансценденталистских интерпретаций морального долженствования и против концепции о принципиальной возможности (и необходимости) обоснования суждений должного путем их логического выведения из суждений сущего.

Ключевые слова: сущее и должное, метафизика и натурализм, автономия морали, трансцендентное и эмпирическое, дескриптивное и прескриптивное, онтология и аксиология, бытие и благо, гильотина Юма, логика и причинность

Понятия сущего и должного в виде устойчивого дихотомического блока вошли в категориальный аппарат европейской моральной философии сравнительно недавно по историческим меркам, лишь в XVIII–XIX вв. Этот понятийный

блок дополнил (и продолжил) ряд традиционных философских дихотомий, делящих мироздание на две альтернативные, *неравноценные* сферы: хаос и космос, материя и дух, мир вещей и мир идей, бытие и благо, долнее и горнее, царство земное и небесное... Первый элемент каждой из этих пар мыслится (в соответствующем контексте) как нечто «несовершенное», «ущербное» или «низменное» в сравнении другим элементом – «образцовым», «возвышенным», вообще – «превосходящим» первый в том или ином ценностном отношении (в каком-то конкретном – моральном, эстетическом, прагматическом, – либо в некотором неопределенном, интуитивно понятном смысле). Включение в этот ряд антитезы *сущего и должного* связано, скорее всего, с нововременным осознанием и выделением особого *морального* элемента в суммарном *ценностном* мировосприятии, сложившемся в прежние эпохи. Действительно, в античной и средневековой ценностной картине мира «должное» не высвечивалось еще в его моральной специфичности, по сути растворяясь в широких понятиях «блага», «прекрасного», «счастья», «истины», а также «добра» и «справедливости», которые (как и понятие «должного») обрели общепризнанный моральный статус значительно позднее. Да и понятие «сущего» в этом новом для него сочетании с должным претерпело значительные изменения по сравнению с его употреблением в умозрительных онтологических построениях античности и средневековья.

Вхождение терминов «сущее» и «должное» в лексикон моральной философии, несомненно, сужает стихийно сложившийся широкий диапазон их значений как в обыденном словоупотреблении, так и в других философских дисциплинах. Тем не менее и в этических построениях этим терминам тоже свойственна некоторая семантическая лабильность, обусловленная разнообразием тематики и методологических подходов, т. е. тех теоретических и ценностных контекстов, в рамках которых дискутируется проблема сущего и должного. Поэтому за формально идентичными *словами* (и их сочетаниями) нередко скрываются разные по смыслу *понятия* и, следовательно, фактически ставятся и обсуждаются разные, но при этом трудноразличимые (в силу общности терминологии) проблемы, что приводит к их смешению и логически некорректной аргументации в пользу того или иного их решения.

Мне представляется целесообразным выделить на поле этических исследований и разграничить две такого рода проблемы – по видимости близкие, но по существу совершенно разноплановые. Одна из них, уже упомянутая выше, ставится и обсуждается в русле аксиологической парадигмы: сущее и должное рассматриваются как некие *реалии* (материальные или духовные, естественные или трансцендентные), т. е. как две формы *бытия нравственности*, соотносимые друг с другом по ценностному критерию. Должное трактуется как высшая в своем роде, абсолютная ценность – моральный идеал; сущее – как *ограниченное*, «*частичное*» воплощение этого идеала в эмпирической данности человеческого мира, в мотивах и поступках людей, в реальных общественных отношениях. Темой теоретических дискуссий на этом проблемном поле являются, главным образом, вопросы о природе и источнике долженствования и о формах и способах «опредмечивания» должного в материи сущего.

Вторая проблема ставится в ином, аналитическом ключе: речь идет о соотношении уже не *реалий*, а *суждений* сущего и должного, т. е., соответственно, суждений *дескриптивных* (описывающих что-либо) и *прескриптивных* (нормативных, выражающих долженствование или вообще ценностную позицию). Очевидное различие этих суждений по их логической *модальности* явилось основанием для сомнений относительно того, возможно ли в принципе научное (и вообще рациональное) обоснование моральных императивов, т. е. логически правильное их выведение из *дескриптивных* посылок, из *знания о сущем*. Теоретической и практической важностью для этики того или иного решения этой проблемы можно объяснить активность дебатов на эту тему, отраженных в многочисленных публикациях последних десятилетий.

Далее будут рассмотрены основные позиции и аргументы, выдвигаемые в ходе обсуждения названных проблем.

1. Должное и сущее: идеал и реальность

В философских трудах, затрагивающих эту проблему, «идеальность» должного трактуется в двух мировоззренческих контекстах: метафизическом (постулирование онтологической или эпистемологической трансцендентности морального долга) и натуралистическом (признание естественности, «посюсторонности» морального идеала в плане его формирования и бытия в человеческой психике и его обусловленности природными и/или социальными факторами). Описывая историю проблемы со времен античности, А.К. Судаков показывает, как и почему для одной из школ древних моралистов «должное становилось метафизико-этической проблемой, утрачивало психолого-историческую достоверность», нуждалось «в метафизическом (онтологическом) обосновании», тогда как другая школа не усматривала в должном «категории метафизического порядка» и обосновывала моральные нормы «натуралистически» (т. е. не размещая должное «над» миром сущего). Спор между этими двумя позициями, отмечает автор, персонифицировался в этических учениях Платона и Аристотеля и прошел через всю историю европейской этики¹.

Со временем метафизическая линия в понимании должного раздвоилась: наряду с платонистской онтологией «должного» (добра, блага) была разработана и эпистемологическая версия этического трансцендентализма, ассоциируемая, главным образом, с именем И. Канта. Его *общая* идея относительно деления реальности на «эмпирический» мир природы и «интеллигибельный» мир свободы воплотилась, *в частности*, в представлении о «нравственном законе» (*moralisches Gesetz, Sittengesetz*) как особой *уномоностигаемой* сущности, противостоящей интересам и склонностям *эмпирического* субъекта. Правда, сам Кант не использовал терминологическую пару сущего и должного (нем. *Sein und Sollen*, также *Seiend und Soll*) для обозначения этих двух миров, да и вообще из указанных немецких терминов (принадлежащих к грамматическому

¹ См.: Судаков А.К. Должное и сущее // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2000. С. 689.

классу существительных) в работах Канта фигурирует лишь слово *Sollen*, переводимое на русский язык как *долженствование* (т. е. особая интенция, императивность), а не *должное* (понимаемое обычно как *содержание* моральной нормы или «нравственного закона», т. е. как *объект* долженствования). Впрочем, в русскоязычных трудах слово «должное» (в блоке с «сущим») обычно совмещает в себе оба указанных значения, различаемых лишь контекстуально. И вообще в *разноязычной* философской литературе после Канта изложение его идей в понятиях *сущего* и *должного* не всегда соотносится именно с различением *нравственного закона* и *реальных нравов*; этим понятиям придается также и более широкий смысл, совпадающий с кантовским же общим противоположением *мира природы* и *мира свободы*. Так, в одной из англоязычных статей о Канте две области, на которые Кант «искусственно разделил реальность», автор обозначает равнозначными (как он полагает) выражениями: «природа и свобода» (*nature and freedom*) и «сущее и должное» (*being / ought to be*)².

Некоторые отступления от Кантовой модели морального феномена, связанные как раз с введением в оборот словосочетания *сущее и должное* – *Sein und Sollen* (и своеобразным толкованием последнего термина), можно заметить в трудах неокантианцев. Так, у В. Виндельбанда и Г. Риккерта понятие *должного* утратило свою (акцентированную Кантом) специфически моральную определенность: оно стало обозначать особую аподиктическую принудительность, свойственную, как полагали эти философы, *не только моральным*, а вообще *всем «высшим» ценностям*, к которым они относили *истину, благо, красоту* и *святость* и которые помещали в некую трансцендентную область, лежащую «по ту сторону субъекта и объекта»³. *Сущее* при этом толковалось как *мир природы* вообще, без специального выделения в этом мире сферы человеческих интересов и склонностей и без сопоставления ее с миром *морально должного*.

В русскую философию Серебряного века понятия *сущего* и *должного* вписались достаточно органично, причем специфически моральный смысл «должного», впервые четко эксплицированный Кантом, был здесь в основном сохранен, а соответствующее понимание *сущего* (как «морально несовершенного» бытия людей) явствовало из контекста рассуждений. «Этика, – писал Н.А. Бердяев, – начинается противоположением *сущего* и *должного*, только вследствие этого противоположения она возможна. Отрицание *должного*, как самостоятельной категории, независимой от эмпирического *сущего* и не выводимой из него, ведет к упразднению не только этики, но и самой нравственной проблемы. Этика... не есть научное исследование существующей нравственности, нравов и нравственных понятий: нравственная проблема, с которой она имеет дело, лежит по ту сторону обыденной, условной житейской морали

² См.: Strauss D.F.M. The Place and Meaning of Kant's Critique of Pure Reason (1781) in the Legacy of Western Philosophy // South African Journal for Philosophy. 1982. P. 24.

³ См.: Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 23.

и эмпирического добра и зла»⁴. Эти положения программной статьи Бердяева неоднократно цитировались и комментировались в последующих этических работах других отечественных авторов, хотя соотношение сущего и должного рассматривалось при этом не обязательно «в свете философского идеализма», как это имело место в названной статье. Тем не менее общая постановка проблемы, а также характерное для бердяевских текстов весьма вольное оперирование многозначными ключевыми понятиями определили в той или иной степени содержание и стиль многих последующих публикаций на эту тему.

В целом расхождения и споры вокруг проблемы сущего и должного носят теоретический характер. Источником таких расхождений, в частности, было и остается различие в трактовке самих понятий сущего и должного в этическом контексте. В диссертации А.Ф. Тригубенко «Антитеза “сущего” и “должного” как этический феномен» утверждается: «“Этика добродетели” Аристотеля есть “этика сущего” в отличие от “этики должного” Канта. “Этика добродетели” зиждется на “золотом правиле нравственности”, а “этика должного” – на “категорическом императиве”. Синтез этих этик невозможен: они суть “метафизические противоположности”». В подкрепление этого тезиса приводится высказывание Ф.К. Кессиди о том, что Аристотель «создал этику, основанную на сущем, т. е. на нормах и принципах, взятых из самой жизни»⁵. С этим последним высказыванием нельзя не согласиться: здесь констатируется тот факт, что этическое учение Аристотеля в целом вписывается в парадигму философского натурализма, т. е. Аристотель выявляет, обобщает и прокламирует те ценностные (нравственные) позиции, которые реально сложились в общественном сознании, а не извлекает общие нравственные принципы из какого-то иного, искусственно сконструированного мироизмерения; и именно по этому критерию этика Аристотеля радикально отличается от этики Канта, а не на том основании, что он рассуждает о добродетелях, а Кант – о моральном долге. Этика долга вполне может строиться и на натуралистическом, а этика добродетели – на метафизическом философском базисе, т. е. противостояние натурализма и метафизики в философии морали не связано с аксиологическим или деонтологическим креном того или иного конкретного учения⁶. Если Аристотелеву (или чью-то другую) натуралистическую позицию условно обозначить как «этику сущего», то ее философским антагонистом будет не «этика должного», а «трансцендентальная этика».

Вообще, понимание морально *должного* как «чистого идеала», отличного от *сущего* как сферы реальных нравов, не является отличительным признаком именно и только метафизических концепций (в их платоновской или кантовской модификации): с этой общей трактовкой должного и сущего может согласиться и «натуралист», его несогласие с позицией метафизика обнаружится

⁴ Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философии идеализма // Проблемы идеализма. Сб. статей. М., 1902. С. 92.

⁵ См.: Тригубенко Ф.А. Антитеза сущего и должного как этический феномен: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2011.

⁶ О взаимосвязи деонтологии и аксиологии в этике см.: Максимов Л.В. Деонтология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2000. С. 625–626.

лишь в принципиально ином истолковании мировоззренческого статуса нравственного закона. Если по Канту моральная философия «в применении к человеку... ничего не заимствует из знания о нем (антропологии), но дает ему как разумному существу законы а priori...»⁷, то для натуралистического миропонимания (которое «исключает из теоретических объяснений какие-либо ссылки на “сверхъестественные” сущности...»)⁸, именно в «антропологии» следует искать истоки моральных идеалов. В метафизическом объяснительном контексте «нравственный закон» совершенно отчуждается от человека, воплощаясь в некую объективно-космическую «необходимость», тем самым моральному идеалу *a priori* отказано в самой возможности быть принадлежностью, частью реального, *земного* сознания⁹. Однако «чистота» идеала, абсолютность и универсальность морального предписания не являются препятствием для его натуралистического истолкования, поскольку абстрагирование и идеализация суть обычные процедуры «естественного» человеческого мышления, анализирующего эмпирические данные и продуцирующего как когнитивные научные абстракции (типа «идеальная прямая», «идеальный газ», «законы природы» и пр.), так и абстракции ценностно-нормативные, к которым относится «нравственный закон».

Натуралистический подход в его *общенаучной* ипостаси, имея дело с каким-либо необычным феноменом, не спешит с введением экзотических (и тем более мистических) сущностей, проявлением которых предположительно является данный феномен, а стремится объяснить его исходя из известных ранее, проверенных закономерностей; и если эта попытка оказывается несостоятельной, то выдвигаются новые, иногда парадоксальные, объяснительные гипотезы, подвергающиеся критической проверке. Метафизический же подход напоминает известный со времен античности драматургический прием, получивший название «бог из машины»: в сложной, трудноразрешимой ситуации неожиданно, нелогично, без связи с предшествующими событиями появляется сверхъестественный персонаж и легко разруливает проблему.

Такой прием используется, в частности, когда философ оставляет попытки «очеловечить» моральный феномен и переключается на спекулятивную версию морального «космизма». Морально должное, не поддающееся интерпретации в качестве «естественного» мотива, отчуждается от человеческих чувств (и вообще от индивида и человечества), обретая – в качестве интенции – статус объективной необходимости, а в содержательном плане – статус автономных космических принципов и норм. Б.А. Кистяковский, на «прекрасную», «превосходную» статью которого неоднократно ссылались Н.А. Бердяев, П.Б. Струве и другие русские философы в публикациях начала XX в., писал: «Определенное нравственное пред-

⁷ Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. языках. Т. 3. М., 1997. С. 47, 49.

⁸ Каримский А.М. Натурализм // Современная западная философия: Словарь. М., 1998. С. 269.

⁹ «Кант больше всех сделал для окончательного утверждения самостоятельности категории должного, как принципа данного *a priori* нашему сознанию, и таким образом сделал этику независимой от научного познания. Это его бессмертная заслуга и философская этика должна примыкать к Канту» (Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма. Указ. изд. С. 61–62).

писание может быть только в известный момент открыто, так или иначе формулировано и затем применяться в различных обществах... То, что какие-нибудь ашанти и зулусы, что дети или идиоты ничего не знают об этом, так же мало касается его как нравственного предписания, как то, что о нем не знают животные, или то, что о нем никто еще не мог знать, когда наша Солнечная система являлась хаотической массой атомов»¹⁰. Предполагается, очевидно, что нравственное предписание «имело силу» еще до возникновения Солнечной системы, до появления человека, и вообще в каком-то смысле «существует» автономно и неизменно вне времени, эпизодически становясь объектом «познания» разумных существ. Это – один из вариантов платонистской модели двух миров: нетленных идей и преходящих вещей.

Впрочем, теоретические расхождения по поводу специфики и истоков морали, так же как и разногласия относительно эффективности тех или иных методов целенаправленного «внедрения» или «пробуждения» моральной мотивации в «душах» людей, не препятствуют принятию всеми сторонами общей идеи о принципиальном несовпадении «должного» (как морального идеала) и «сущего» (как реально сложившихся нравов), о связанных с этим социальных коллизиях и необходимости приближения, «подтягивания» сущего к должному. Указанные выше концептуальные различия становятся заметными и значимыми только по мере уточнения, детализации этой общей проблемы.

2. Должное и сущее: логика суждений

Проблема сущего и должного получила новый импульс и новое звучание в метаэтической литературе¹¹ XX в. Логико-лингвистический анализ моральных рассуждений (на бытовом и философском уровнях речевой коммуникации) выявил ряд важных для этики вопросов, которые ранее не привлекали особого внимания исследователей либо вообще не ставились. Один из этих вновь открытых вопросов звучал так: возможен ли логически правильный вывод суждений должного из суждений сущего? Этот вопрос в первом приближении был поставлен еще Юмом¹² в XVIII в., и его позиция в виде постулата, утверждающего невозможность подобной логической операции, получила в метаэтике название «гильотина Юма»

¹⁰ Кистяковский Б.А. Категории необходимости и справедливости // Жизнь. Июнь, 1900. С. 144–145.

¹¹ «Метаэтика – область исследований, сложившаяся в начале 20 в. в русле аналитической традиции западной (в основном англоязычной) философии морали; специализированная ветвь аналитической философии. Методологическая установка метаэтических исследований – перевод этических проблем в область языка и последующий анализ соответствующих языковых выражений с целью придания этим проблемам адекватной формы и элиминации псевдопроблем, возникающих из-за неправильного употребления слов и нарушения правил логики» (Максимов Л.В. Метаэтика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 549).

¹² Юм заметил, что авторы этических текстов в своих рассуждениях постоянно, не сообразуясь с правилами дедуктивного вывода, переходят от суждений сущего к суждениям должного, так что простой «акт внимания» к этой проблеме «опроверг бы все обычные этические системы» (см.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. М., 1995. Т. 2. С. 229–230).

(«гильотина» – поскольку суждение должного логически «отсекалось» от суждения сущего).

В этом теоретическом контексте «должное» понимается уже не как нравственный закон или «моральный идеал», а только как *суждение*, обладающее особой (а именно – *деонтической*) модальностью; соответственно, «сущее» означает не «нравы» в их фактической данности и не «существование», «бытие» вообще, а только характеристику *суждений* асерторических (*описательных*) или имеющих модальность, не связанную с моральным долженствованием. Такова уточненная в метаэтике трактовка понятий, входящих в формулу «гильотины Юма»; сам же Юм разграничил суждения сущего и должного только на том формальном основании, что в них используются разные «связки» – соответственно *is* (*есть*) и *ought* (*должно*), без их соотнесения в содержательном и функциональном отношении.

Споры по поводу истинности юмовского принципа не ограничились рамками метаэтики, поскольку тезис о невыводимости суждений должного из суждений сущего породил новую проблему, значимую для философии морали: он поставил под сомнение возможность рационального обоснования моральных норм, т. е. ответа на вопрос, почему должно следовать этим нормам, и почему вообще что бы то ни было «должно» делать, даже вопреки желанию... Многим казалось, что сама уже мысль о невозможности обоснования моральных требований является оправданием морального релятивизма и аморализма. Поэтому «гильотина Юма» стала в последнее столетие одной из постоянных тем обсуждения в этической литературе, объектом многочисленных попыток опровержения этого постулата. Однако вхождение проблемы в разнообразные мировоззренческие и методологические контексты существенно изменило ее первоначальную суть, лишило ее логической прозрачности; фактически сложился целый ряд новых проблем, общий предмет которых обозначается обычно как *выведение должного из сущего*, хотя сама эта формула получает разные толкования, нередко далекие от заложенного в «гильотине» смысла. Поэтому периодически выдвигаемые диспутантами «разоблачения» (а иногда и «подкрепления») юмовского принципа уже не соотносятся с ним напрямую, а находятся в другом проблемном контексте.

Чаще всего в этих спорах упускается из виду *логическая специфика* «гильотины Юма». Если учитывать эту специфику, придется признать, что речь здесь идет вовсе не о «позиции» Юма, с которой можно было бы не соглашаться: здесь просто констатируется хотя и озвученный впервые Юмом, однако не зависящий от чьего бы то ни было мнения абсолютный логический запрет на совершение определенной выводной процедуры, а именно – дедуцирования нового (по содержанию и модальности) суждения из других суждений, в которых этих элементов нет (ни в явном, ни в скрытом виде). Тем не менее попытки преодолеть этот логический запрет предпринимаются во многих работах, отстаивающих возможность обоснования «должного» через «сущее». Вот несколько типичных схем подобного кажущегося «преодоления».

1. В философских (и вообще гуманитарных) исследованиях устойчиво держится интуитивное представление о некоторой условности, *конвенциональности* законов логики (по аналогии с правилами грамматики), а также

о возможности как-то обойти логические запреты путем перестроения и усложнения аргументации. Поскольку в сложных, многоплановых рассуждениях трудно разглядеть их подлинную логическую структуру, у теоретика, анализирующего нормативные тексты, вполне может сложиться неверное представление о действительной логической выводимости должного *исключительно* из сущего и, значит, о принципиальной возможности «научного» (отправляющегося от «фактов») обоснования морали.

2. Проблема «логического выведения суждений должного из суждений сущего» в этических трудах обычно формулируется короче – как проблема «выведения должного из сущего» (или «из фактов»), т. е. без акцентирования логической специфики обсуждаемой процедуры. Под эту общую формулу подходит трактовка должного и сущего не только как *суждений*, но и как особых *реалий* (о чем речь шла в 1-й части данной статьи), а также трактовка «выведения» не только как *логической* операции, выполняющей функцию обоснования, доказательства морально должного, но и как *объяснительной* операции, выясняющей «реально сущие» *причины*, факторы, породившие феномен морали или какую-то конкретную моральную позицию. Обоснование и объяснение – это принципиально разные рациональные процедуры, широко применяемые в научных и философских исследованиях. Вообще говоря, признание *логической* невыводимости (т. е. *необосновываемости*) суждений должного из суждений сущего вполне совместимо с признанием *каузальной объяснимости* должного через сущее (ибо всё, в том числе и морально должное, имеет свои причины, которые могут быть познаны). Но поскольку обе названные операции традиционно охватываются общим понятием «выведения», их часто смешивают¹³.

В отечественной этической литературе последних лет позиция принципиальной обосновываемости морали последовательно проводится в работах А.В. Разина. В его учебнике по этике специальная глава посвящена описанию и анализу разных способов обоснования, к которым отнесены: утилитаризм, абсолютизм, конвенционализм, натурализм, космизм, социальный детерминизм¹⁴. Но действительно ли речь там идет об *обосновании* морали? Действительно ли в представленных учениях (или хотя бы в одном из них) имеются аргументы, демонстрирующие *логически правильное* выведение моральных императивов из неморальных посылок? Будь так, это свидетельствовало бы

¹³ За этим смешением объяснения и обоснования стоит старинный, укорененный в философской классике и до сих пор широко принятый (скорее стихийно, нерелексивно, нежели концептуально) *онтологический рационализм*, фактически отождествляющий логические отношения и объективные каузальные связи или, во всяком случае, трактующий логический вывод как адекватное отображение причинно-следственных взаимодействий. Русский философ А.И. Введенский, критикуя эту позицию, писал, что рационалистическая философия стремится «довести связь причины и действия до такой прозрачности, чтобы она являлась столь же понятной и необходимою, как понятно и необходимо логическое следование одной мысли из другой, ее обосновывающей и содержащей». Эта философия стремится «привести отношение реальное к отношению мыслимому, логическому, идеальному, – так сказать распустить или растворить реальный причинный процесс в мысли» (*Введенский А.И. Закон причинности и реальность внешнего мира. Харьков, 1901. С. 7*).

¹⁴ См.: Разин А.В. *Этика: Учебник для вузов. М., 2006. С. 327–377.*

о несостоятельности, необязательности канонических правил логического вывода. Однако фактически в этих учениях предлагаются разные варианты не обоснования суждений должного, а *объяснения* того, почему, *по какой причине* и в силу каких обстоятельств в обществе возникают и укореняются нормы морали, почему люди их принимают и (пусть не всегда) соблюдают. Какие-то из этих объяснений могут быть истинными, хотя и в этом случае они не выполняли бы функцию логического обоснования.

3. Еще один способ ниспровержения рассматриваемого логического принципа – это перенесение рассматриваемой проблемы в теолого-платонистский контекст, где сами понятия должного и сущего толкуются так, что проблема «выведения» одного из другого легко разрешается. «Для платонизма и христианства, наделяющих суждения оценки и долженствования объективным бытием, принцип Юма не неправилен, а некорректно сформулирован, – пишет М.О. Шахов. – Поскольку ценности имеют статус данностей, проблемы логического перехода от данного к должному не существует. Для философско-мировоззренческих систем, отрицающих объективное бытие заповедей (ценностей) принцип Юма правилен и, в сущности, означает невозможность логически безупречного рационального обоснования этики в рамках данных систем...: если нет бессмертия души и загробного воздаяния, невозможно обосновать необходимость нравственного поведения»¹⁵. «Таким образом, знание о неизбежном справедливом воздаянии, предуготовленном каждому в вечности, становится рациональным основанием для нравственного поведения»¹⁶.

Собственно, эти рассуждения не имеют никакого касательства к «гильотине Юма» – ни в позитивном, ни в негативном плане. Здесь излагаются по сути две разные версии, претендующие на объяснение (*не обоснование*) истоков, причин моральной мотивации. Одна из версий – чисто платонистская: объективно существует (в ином мироизмерении) идея добра (блага, справедливости), люди так или иначе *познают* эту идею, и само это *знание* является *мотивом долга*, побуждением к добру. Вторая (весьма популярная) версия – чисто богословская: люди не только *знают* богоустановленные принципы (заповеди) добра, но *знают (верят)* также, что следование этим заповедям или нарушение их в земной жизни имеет решающее значение для жизни вечной, поэтому желание избежать дурных последствий побуждает их к соблюдению норм нравственности. Однако такое поведение является *эгоистически* (а не *морально*) мотивированным, моральное долженствование подменяется субъективным «хотением», т. е. указанная версия не содержит ни обоснования, ни объяснения собственно морального мотива (имеющего, безусловно, иные определяющие причины, поскольку он свойствен не только религиозному, но и «секулярному» сознанию).

Идея о том, что «гильотина Юма» в определенном мировоззренческом контексте правильна, а в другом не имеет силы, отстаивается также и в статье А.М. Гагинского¹⁷. Автор полагает, что в рамках платонизма и средневековой

¹⁵ Шахов М.О. Возможен ли переход от знания о сущем к знанию о должном? // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 122.

¹⁶ Там же. С. 114.

¹⁷ См.: Гагинский А.М. «Гильотина Юма» в контексте средневекового учения о трансценденталиях // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 189–200.

схоластической парадигмы, утверждающей «онтологическое тождество» бытия и блага, выведение суждений должного из суждений сущего является (вопреки Юму) вполне правомерным, т. е. не содержит логической ошибки; и только в Новое время, при «смене парадигмы» (т. е. при разделении, различении сущего и благого), подобная операция становится ошибочной. Т. е. если согласиться с Платоном и средневековыми трансценденталистами в том, что бытие и благо «взаимозаменяемы», то следует также признать, что в *сущем* уже присутствует сродное благу долженствование; «само понятие бытия оказывается аксиологически нагружено, вследствие чего в рамках такой онтологии возможен непротиворечивый переход от суждений о сущем к суждениям о должном»¹⁸. В статье не приводится ни одного примера подобных построений, взятого из источников многовекового периода господства указанной парадигмы, или хотя бы условно сконструированного по этой предполагаемой мерке самим автором. Полагаю, таких примеров в литературе нет, а условный пример (если проникнуться этим древним миропониманием) можно предложить такой: «Люди извечно *враждуют, убивают* друг друга. Следовательно, люди *морально должны* враждовать и убивать». Если все сущее есть благо (а все благое, как предполагается в указанной мыслительной парадигме, есть объект морального долженствования), значит, указанный вывод верен. Из той же посылки о благостности всего сущего может быть логически выведен даже универсальный «нравственный закон»: «Мы *должны* (морально обязаны) делать *что угодно*, без ограничений». Но можно ли представить, чтобы кто-нибудь действительно провозгласил подобную «моральную заповедь»?

Вообще эта (по сути теологическая, даже у Платона) идеологема о совпадении бытия и блага с самого начала провоцировала парадоксы, по поводу которых ломались копыя в схоластических спорах. Так, «дьявол» воспринимается, безусловно, как олицетворение зла, но поскольку он «существует», а все существующее есть благо (или добро), то, значит, и дьявол несет в себе доброе начало. Подобные парадоксы, попытки их как-то разрешить, – это обычная тема схоластических упражнений. Если последовательно придерживаться постулата о тождестве бытия и блага, то придется отказаться также от различения и противопоставления добра и зла, должного и запретного. Но ведь любая этическая система обретает смысл только благодаря такому различению и противопоставлению морально позитивного и морально негативного. Поэтому нет оснований полагать, будто идея тождества бытия и блага была *реальной* парадигмой этической мысли в античности и средневековье. Никакое этическое учение, обосновывающее моральное долженствование, не может быть создано на этой базе. Принцип Юма применим в равной мере ко всей истории этики, он не связан с какой-то определенной мировоззренческой парадигмой, не зависит от каких-либо онтологических построений, а опирается исключительно на законы логики.

¹⁸ Гагинский А.М. «Гильотина Юма» в контексте средневекового учения о трансценденталиях // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 193.

Список литературы

- Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философии идеализма // Проблемы идеализма. Сб. статей. М.: Моск. психологич. об-во, 1902. С. 91–136.
- Введенский А.И. Закон причинности и реальность внешнего мира. Харьков: Тип. губ. правл., 1901. 313 с.
- Гагинский А.М. «Гильотина Юма» в контексте средневекового учения о трансценденталиях // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 189–200.
- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. языках: в 4 т. Т. 3. М.: ИФРАН, 1997. С. 39–275.
- Каримский А.М. Натурализм // Современная западная философия: Словарь. М.: ТОН – Остожье, 1998. С. 269–271.
- Кистяковский Б.А. Категории необходимости и справедливости // Жизнь. Июнь, 1900. С. 141–159.
- Максимов Л.В. Деонтология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 625–626.
- Максимов Л.В. Метаэтика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 549–550.
- Разин А.В. Этика: Учебник для вузов. М.: Академический проект, 2006. 624 с.
- Риккерт Г. О понятии философии // Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 13–42.
- Судаков А.К. Должное и сущее // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 689–690
- Тригубенко Ф.А. Антитеза сущего и должного как этический феномен: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М, 2011. 164 с.
- Шахов М.О. Возможен ли переход от знания о сущем к знанию о должном? // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 113–122.
- Юм Д. Трактат о человеческой природе: в 2 т. Т. 2. М.: Канон, 1995. 399 с.
- Strauss D.F.M. The Place and Meaning of Kant's *Critique of pure reason* (1781) in the Legacy of Western Philosophy // South African Journal for Philosophy. 1982. P. 23–42.

The Concepts of “What is” and “What ought to be” in Ethical Contexts

Leonid V. Maximov

Institute of Philosophy, RAS. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: lemax14@list.ru

The antithesis of “what is” and “what ought to be” is widely used in ethical studies, through the interrelation of these concepts, important for the moral philosophy theoretical and applied problems are formulated. However, the historically formed polysemy of concepts of “what is” and “what ought to be”, the variety of the interpretation of their world outlook and methodological paradigms, within the framework of which this problematic is developed (given that the terms “is” and “ought to be” in their combination remain unchanged) – all that leads to the confusion of discussed problems, decreases the theoretical level of their statement and solution, and provokes poor productive discussions. In the article, an attempt is made, through the meta-ethical analysis of the above mentioned antithesis, to delimit and to review by terms the problem contexts of “what is” and “what ought to be”, herewith separating principal (conceptual) disagreements and disputes from unnecessary mistakes and

confusions created by not accurate terminology and varying interpretations of the subject matter of polemics itself. Also, the author's point of view in respect of a number of traditional conceptual approaches to the solution of the studied problems is stated, in particular, arguments against transcendentalist interpretation of the moral duty and against the concept about the principal possibility (and necessity) of the justification of ought-judgments is given, by way of their logical eduction from being-judgments.

Keywords: “what is” vs. “what ought to be”, metaphysics vs. naturalism, autonomy of morality, transcendental vs. empirical, descriptive vs. prescriptive, ontology vs. axiology, being vs. good, Hume's guillotine, logic vs. causality

References

- Berdyayev, N.A. «Eticheskaya problema v svete filosofii idealizma» [Ethical Problem within the framework of the Philosophy of Idealism], *Problemy idealizma*. Sb. statei. [Problems of Idealism. Collected papers]. Moscow: Mosk. psikhologich. ob-vo Publ., 1902, pp. 91–136. (In Russian)
- Gaginskii, A.M. «“Gil’otina Yuma” v kontekste srednevekovogo ucheniya o transcendentaliyakh» [Hume's guillotine in the context of the medieval transcendentalist's doctrine], *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2018, no. 10, pp. 189–200. (In Russian)
- Hume, D. *Traktat o chelovecheskoi prirode* [Hume D. A Treatise of Human Nature], vol. 2. Moscow: Kanon Publ., 1995. 399 pp. (In Russian)
- Kant, I. «Osnovopolozheniya k metafizike нравов» [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in: I. Kant, *Sochineniya* [Works in German and Russian], vol. 3 / Prepared by N. Motroschilova, B. Tuschling. Moscow: Moscow Filosofskij Fond Publ., pp. 39–276. (In Russian)
- Karimskii, A.M. «Naturalizm», *Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar'* [Modern Western philosophy: Dictionary]. Moscow: TON – Ostozh'e Publ., 1998, pp. 269–271. (In Russian)
- Kistyakovskii, B.A. Kategorii neobkhodnosti i spravedlivosti [Categories of necessity and justice]. *Zhizn' [Life]*, 1900, no. 6, pp. 141–159. (In Russian)
- Maksimov, L.V. «Deontologiya» [Deontology], *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, v 4 t. T. 1 [New philosophical encyclopedia], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 2000, pp. 625–626. (In Russian)
- Maksimov, L.V. «Metaetika» [Metaethics], *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, v 4 t. T. 2 [New philosophical encyclopedia], vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 2001, pp. 549–550. (In Russian)
- Razin, A.V. *Etika: Uchebnik dlya vuzov* [Ethics. Textbook for high schools]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2006. 624 pp. (In Russian)
- Rikkert, G. «O ponyatii filosofii» [On the concept of philosophy], Rikkert, G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [The sciences of nature and sciences of culture]. M.: Respublika Publ., 1998, pp. 13–42. (In Russian)
- Shahov, M.O. «Vozmozhen li perekhod ot znaniya o suschem k znaniyu o dolzhnom?» [Is it possible to move from the knowledge of ‘what is’ to the knowledge of ‘what ought to be’?], *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2009, no. 11, pp. 113–122. (In Russian)
- Sudakov, A.K. «Dolzhnoe i sushee» [‘What ought to be’ and ‘what is’], in: *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, v 4 t. T. 1 [New philosophical encyclopedia], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 2000, pp. 689–690. (In Russian)
- Strauss, D.F.M. «The Place and Meaning of Kant's Critique of Pure Reason (1781) in the Legacy of Western Philosophy», *South African Journal for Philosophy*, 1982. P. 23–42.
- Trigubenko, F.A. *Antiteza sushego i dolzhnogo kak eticheskii fenomen: Avtoref. diss. kand. filos. nauk* [The antithesis of “what is” and “what ought to be” as an ethical phenomenon. Ph. D. (Philosophy) Thesis]. Moscow, 2011. 164 pp. (In Russian)
- Vvedenskii, A.I. *Zakon prichinnosti i real'nost' vneshnego mira* [The law of causality and the reality of the outside world]. Kharkov: Tip. gub. pravl., 1901. 313 pp. (In Russian)